

С.М. Абрамзон

ОНИ С ЧЕСТЬЮ СПРАВИЛИСЬ СО СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ

Саул Матвеевич Абрамзон,
*доктор исторических наук,
специалист по этнографии
киргизов. Секретарь партийной
организации. После эвакуации
директора Института испол-
нял его обязанности.*

Уже в первые дни войны не ушедшие на фронт сотрудники своими силами переоборудовали институтский подвал под бомбоубежище и упаковали в ящики наиболее ценные коллекции Музея, но 8 сентября 1941 года вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо вражеской блокады и эвакуировать коллекции не удалось. 125 ящиков с музейными вещами были тогда переданы на хранение в кладовые Государственного Эрмитажа, а другие вместе с упакованной библиотекой сложили в своем бомбоубежище. Когда потом в них обнаружилась сырость, пришлось эти несколько сот ящиков перетаскивать в экспозиционные залы Музея. Затем учет направления вражеского артиллерийского огня заставил снова переносить те же ящики в другие, более безопасные места. Чтобы осколки стекол, вылетающие при артобстреле из

окон и шкафов, не повредили экспонаты, оставшиеся неупакованными, шкафы с экспонатами обложили досками, старыми деревянными ящиками и другими предметами, а окна изнутри заставили щитами, сколоченными из досок. Мягкие музейные вещи в часы затишья периодически проветривали во дворе.

Для охраны здания Института этнографии и его Музея были установлены посты дежурств сотрудников. Особенно тяжелыми были дежурства на чердаке, который на случай пожара засыпали песком и покрыли суперфосфатом. Песок, ведра, лопаты и щипцы для обезвреживания зажигательных бомб находились под рукой в разных местах здания. Башня Кунсткамеры в начале блокады служила наблюдательным пунктом и зенитно-пулеметной точкой в системе противовоздуш-

ной обороны города, а позже стала одним из мест дежурства сотрудников.

В 1942 году здание Института по приказу командования фронта было переоборудовано в опорный пункт обороны. Ряд окон заложили кирпичом и мешками с песком. Оставленные в окнах щели должны были на случай уличных боев превратиться в амбразуры.

С лета 1942-го по 1944-й год в Ленинграде продолжали нести вахту 15 сотрудников Института: заведующий Отделом оформления Музея, ставший теперь Уполномоченным Президиума АН СССР, архитектор Р.И. Каплан-Ингель, старший научный сотрудник К.В. Вяткина, младшие научные сотрудники В.В. Антропова, В.В. Федоров, М.Д. Торэн, заведующая канцелярией А.Н. Калдыкина, комендант здания Е.А. Максимова, вахтеры А.Н. Макарова, О.П. Карманова и М.Т. Константинова, рабочие З.И. Каплан, П.Н. Артамонова и Н.В. Андросова, дворники М.В. Евстратова и Е.Е. Егорова. Именно им мы обязаны больше всего спасением здания Петровской Кунсткамеры и сокровищ Музея антропологии и этнографии. Все они, как и воины Ленинградского фронта, были награждены медалью «За оборону Ленинграда», а Р.И. Каплан-Ингель, К.В. Вяткина, В.В. Антропова, Е.А. Максимова и А.Н. Макарова, кроме того, другими орденами и медалями.

Стойкость, мужество и горячий советский патриотизм — вот те черты, которые ярко проявились в коллективе нашего Института в годы Великой Отечественной войны и особенно во время блокады Ленинграда. Разве не проявлением стойкости были бесстрашные ночные дежурства членов унитарной команды МПВО на чердаках и крышах здания Института? То же самое можно сказать о массовом участии сотрудников в строительстве оборонительных сооружений на подступах к Ленинграду, о самоотверженном труде научных и технических работников по отбору, упаковке и организации хранения уникальных и особо ценных коллекций нашего Музея.

Проявлением стойкости был замечательный пример творческого труда ученых в тяжелых условиях блокады. Профессор К. Пушкиревич, несмотря на голод и истощение, собрав все свои силы, написал небольшую книгу «Чехи», глубоко веря в грядущее освобождение братского чешского народа от ига гитлеровского фашизма. Рукопись этой книги была переправлена на Большую землю в Свердловск, где тогда находился Президиум АН СССР, и там книга была напечатана.

Старший научный сотрудник, антрополог Г.И. Петров уже во время блокады закончил работу над рукописью на крайне актуальную в то время тему «Расовая теория германского фашизма». К сожалению,

преждевременная смерть автора от голода не позволила реализовать этот патриотический труд.

Младший научный сотрудник, коммунист А.Н. Кондауров в неотопливаемой аудитории востфака ЛГУ в конце 1941 года защитил кандидатскую диссертацию. Защита прерывалась артобстрелом.

Старший научный сотрудник, коммунист М.А. Сергеев продолжал подготовку тома «Народы Сибири».

Так же мужественно трудились и обороняли город и доверенные нам музейные коллекции — национальное достояние страны — многие сотрудники. И когда в июле 1942 года основная часть ученых нашего Института была эвакуирована, огромный груз охраны коллекций Музея, библиотеки и всех материальных ценностей приняла на свои плечи небольшая группа сотрудников, ядром которой стали коммунисты К.В. Вяткина, В.В. Антропова, Р.И. Каплан-Ингель. Они с честью справились со своей задачей.

Таковы примеры стойкости советских людей в годы великих испытаний.